РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1906.

РИС. К. БРОЖЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Очерки моихъ воспоминаній.

Настаетъ конецъ жизни! Нѣтъ больше личной надежды, нѣтъ болѣе будущности! Осталось лишь только ожиданіе болѣзни, страданія и смерти. А природа такъ много дала, такъ щедро меня одарила. Боролась-то я со всѣми трудностями, невзгодами, интригами и т. п. До самой старости не унывала, все надѣялась, что достигну желаемаго, не отдавая себѣ полнаго отчета въ томъ, что для достиженія цѣли, въ какой бы то ни было сферѣ знанія или искусства, нужно всѣмъ жертвовать: привязанностями, положеніемъ, родствомъ, даже къ несчастію принципами. Иначе останешься ни при чемъ только, съ сожалѣніемъ въ душѣ, что своимъ талантомъ мало пользы принесла.

Постараюсь описать мою жизнь, мои дѣйствія. Пусть читатель самъ судитъ, легко ли мнѣ было, и чего могла бы я достичь при другой обстановкѣ. Какъ, во многихъ отношеніяхъ, была легкомысленна, жила болѣе воображеніемъ и какъ часто не умѣла пользоваться счастливымъ обстоятельствомъ.

Родилась я въ Петербургѣ. Отецъ мой былъ декабристъ. Въ первый годъ женитьбы его заключили въ Петропавловскую крѣпость. Какъ ему удалось быть освобожденнымъ — намъ не было извѣстно, тогда, въ Николаевское время, все держалось въ тайнѣ и разоблаченіе въ въ этомъ родѣ наводило страхъ. Мать моя была урожденная Львова, семейство, извѣстное своею многочисленностью и своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, сестра Алексѣя Ѳедоровича Львова, знаменитаго скрипача, композитора народнаго гимна и многихъ церковныхъ и свѣтскихъ сочиненій. У моей матери былъ чудный, единственный

въ своемъ родѣ голосъ, контральто, который восхищалъ всѣхъ; она воспитывалась въ музыкальномъ семействѣ у своего отца, Ѳедора Петровича, директора дворцовой пѣвческой капеллы, и у котораго всѣ знаменитости перебывали и гдѣ исполнялась постоянно классическая музыка.

Она давала мнѣ первоначальные уроки музыки; я помню себя на Кавказѣ въ Ставрополѣ, гдѣ мой отецъ былъ губернаторомъ, мнѣ тогда было семь лѣтъ, и я играла Крамеровы этюды наизусть, мать моя много тамъ пѣла и иногда предлагала послушать свою дочурку. Я была еще такъ мала, что носъ трогалъ клавиши рояля, но это не мѣшало съ восторгомъ пѣть мамины романсы.

Воспитывали насъ очень строго, мать моя, не смотря на свое оффиціальное положеніе, съ ранняго утра занималась нами, сама готовилась, чтобы намъ старшимъ дать начальное образованіе, строго относилась къ воспитанію и къ нравственнымъ началамъ; утро начиналось тѣмъ, что мы собирались у нея въ спальнѣ, читали Евангеліе и молились вмѣстѣ.

Она успѣвала за всѣмъ слѣдить, пріучала насъ къ труду, къ исполненію долга, къ порядку, внушала чувства любви, уваженія, состраданія, на праздникахъ пріучала насъ думать о бѣдныхъ, неимущихъ, старыхъ, больныхъ. Елки не для насъ готовились, а мы сами ихъ украшали для бѣдныхъ города и дѣтей пріюта,—въ этомъ все было наше удовольствіе и счастіе.

Изъ Ставрополя отецъ мой былъ назначенъ губернаторомъ въ Вильну, родители отправились сначала въ Петербуртъ, а насъ завезли въ подмосковную деревню Голубино.

Тамъ жила одиноко старая тетя Варвара Александровна Наумова, двоюродная сестра отца, типъ старосвѣтской помѣщицы. Она была совершенно особеннаго характера. Разсказывала, какъ была несчастна въ молодости и не любима въ своемъ родительскомъ домѣ, какъ ея сестеръ вывозили въ свѣтское общество, а ее заставляли шить имъ наряды, она же сама находилась въ полномъ пренебреженіи, что очень подѣйствовало на ея характеръ. Она постоянно желала смерти, все приготовила и показывала, въ чемъ должны ее хоронить, никакія похороны не могла видѣть равнодушно, жалѣя, что не ее хоронятъ. Кушала очень мало, носила въ карманѣ разную сырую крупу, которую жевала, для подкрѣпленія силъ; но это не помѣшало ей жить до глубокой старости и наконецъ такъ свыклась со своею жизнью, что, когда силы ей измѣнили, она продала платье, назначенное для похоронъ, и не хотѣла умирать. Мнѣ это разсказывала моя младшая сестра, къ которой она пріѣзжала гостить въ Москву, когда уже съ трудомъ могла ходить. Тетя была очень богомольна, въ деревен-

скомъ домѣ была большая образная комната, гдѣ постоянно горѣли лампады. Это было священное мѣсто, куда мы входили только, чтобы молиться. Вслѣдствіе скудной пищи, тетя впадала въ галлюцинацію и разсказывала, какъ чувствовала прикосновеніе своего мертваго брата, что съ нимъ сообщалась, и наконецъ она предвѣщала факты, которые сбывались.

Мы въ дѣтствѣ очень ее любили, она насъ баловала, угощала разными сладостями и очень берегла въ отсутствіе родителей.

Насъ было шесть человѣкъ братьевъ и сестеръ, я—восьмилѣтняя, старшая, распѣвала на всѣ лады; посѣщали мы съ тетей нашихъ крестьянъ, и я помню, какъ разъ пришли въ гости къ нашему старостѣ. Сидя на ларѣ, я запѣла во весь голосъ: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту", да такъ сильно, что по всей деревнѣ раздавался мой голосъ. Варвара Александровна пришла въ восторгъ и сказала: „эта со временемъ будетъ удивлять своимъ голосомъ".

Въ Вильнѣ взяли мнѣ преподавателя музыки, старика Янчевскаго, который такъ былъ старъ, что во время урока безъ всякой пищи нескончаемо жевалъ; но не смотря на старость преподавалъ съ хорошей школой и пріучалъ правильно считать, такъ что я была ему обязана изученію ритма; по вечерамъ я приготовляла ему уроки, а для удовольствія брала всѣ пѣсни и мамины романсы и распѣвала ихъ. Дежурные чиновники, которые приходили съ докладами къ отцу, забѣгали къ моему роялю, брали меня на руки, цѣловали и все упрашивали пѣть. Когда же были пріемные вечера и балы въ родительскомъ домѣ, то предъ началомъ, за раннимъ пріѣздомъ, сажали меня за рояль и, окруженная обществомъ, я со смѣлостью и увлеченіемъ играла попури изъ „Сонамбулы" и „Нормы", послѣ чего меня отправляли къ моему огорченію спать; но стоило мнѣ услышать нѣсколько нотъ голоса маменьки, чтобъ подъ этимъ впечатлѣніемъ никакъ не заснуть,—такъ сильно волновалъ меня прелестный звукъ ея голоса.

Хотя положеніе родителей обязывало ихъ часто принимать и вести свѣтскую жизнь, но оно не мѣшало матери моей лично серьезно заниматься нашимъ образованіемъ и воспитаніемъ. Съ ранняго возраста наши занятія были распредѣлены по часамъ. До 12-ти лѣтъ къ намъ была приставлена нѣмка бонна, которая обязана была слѣдить за тѣмъ, чтобы мы вставали рано, то есть въ 6 часовъ утра, и готовили уроки, въ восемь часовъ мы обыкновенно должны были всѣ собраться къ матери, читать въ слухъ Евангеліе. Отъ 10 до 3 подъ ея наблюденіемъ мы занимались въ классной, а когда приходилось ей принимать постороннихъ по дѣламъ или съ визитомъ, она мнѣ поручала слѣдить за тишиной и за исполненіемъ нашего долга. Послѣ

обѣда, два часа были назначены для чтенія всеобщей исторіи на французскомъ языкѣ и на музыкальныя упражненія.

Порядокъ и дисциплина у насъ были введены съ самаго дѣтства, особливо къ дочерямъ, какъ будто предчувствовали, что намъ придется много бороться въ жизни, трудиться и превозмочь разныя невзгоды. Дѣтьми же мы были очень счастливы, дружны между собою, чувствуя безпредѣльную любовь къ отцу и матери, хотя оно было сопровождено съ чувствомъ страха, такъ какъ отецъ былъ очень строгъ и взыскателенъ.

Къ роскоши насъ не только не пріучали, напротивъ того, насъ вели съ этой стороны на спартанскій ладъ, точно также въ отношеніи пищи, многіе критиковали это направленіе, но слухи и мнѣнія до насъ тогда не доходили.

Къ подаркамъ насъ также не пріучали, для насъ собственно елку на Рождество никогда не дѣлали, но въ нашу большую залу каждый годъ ставили громадныя три елки, которыя предоставляли намъ украшать и увѣшивать подарками, для бѣдныхъ дѣтей пріюта, надъ которымъ мать моя состояла попечительницей. На праздникѣ Рождества Христова къ намъ собиралось ихъ сотнями разныхъ сословій и вѣроисповѣданій, многія изъ нихъ были также евреи.

Насъ пріучала мать ходить въ пріютъ учить маленькихъ дѣтей, а когда мы были постарше, посылала насъ во время рекреаціи съ гувернанткой почти каждый день присутствовать за ихъ обѣдомъ и пробовать ихъ кушанья, также обѣдъ евреевъ, который подавался за особеннымъ столомъ. Утренняя молитва же у нихъ была общая. Я это описываю, какъ доказательство, что даже въ 50-хъ годахъ при царствованіи императора Николая, безъ всякаго шума, можно было многое согласовать, только будь все основано на любви, правдѣ, снисхожденіи и справедливости.

Насъ съ дѣтства пріучали видѣть и помогать бѣднымъ, больнымъ, несчастнымъ и старымъ, что чувство такъ сильно примѣромъ было намъ внушено, что мы во многомъ себѣ отказывали и даже втихомолку не ѣли бѣлый хлѣбъ, который намъ давали къ чаю, а собирали булки, чтобы ихъ отнести въ богадѣльню старушкамъ, такъ какъ денегъ у насъ не бывало и намъ не давали. Вотъ, на какихъ основаніяхъ мы были воспитаны. Въ это время съ 46-го года мы жили въ Минскѣ, куда отецъ мой былъ переведенъ губернаторомъ; тогда еще была у насъ бонна-нѣмка, но такъ какъ мы подросли и требовали личности, болѣе развитой и образованной, мама обратилась къ нашей бабушкѣ, знаменитой въ молодости своей красотой и необыкновеннымъ умомъ, къ Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, племянницѣ нашего поэта Державина, у котораго она жила въ дѣвушкахъ и воспитывалась, потому что была сирота.

*

Она въ это время собралась ѣхать за границу, и потому родители мои просили ее привезти намъ француженку. Въ одинъ прекрасный день явилась къ намъ мадемуазель Папье, очень образованная личность, на поруки которой меня съ сестрой передали и вдобавокъ еще младшую, которая была пятью годами моложе. Всѣ науки стали преподаваться на французскомъ языкѣ. Былъ также у насъ преподаватель русскаго языка, но очень слабый и бездарный, что, на мой взглядъ, сильно на насъ отразилось, тѣмъ болѣе, что тогда русскій языкъ былъ въ большомъ пренебреженіи; все общество говорило по-французски, и даже стыдились говорить на своемъ родномъ языкѣ, конечно, только не поляки, которые своимъ нарѣчіемъ никогда не пренебрегали и между собой всегда были солидарны,—качество, которымъ не блещутъ русскіе.

Развивать основательно мои музыкальные задатки не кому было, да тогда и другой взглядъ былъ на искусство и талантъ. На все смотрѣли по-дилеттантски для забавы и блеска въ обществѣ. Учитель музыки оказался совершенно бездарнымъ, хотя былъ лучшій въ Минскѣ; къ счастью, жена губернскаго предводителя дворянства г-жа Хорватъ, большая музыкантша, ученица Монюшки, меня полюбила; я ее заинтересовала своими способностями, и она упросила мою мать присылать меня съ нею заниматься. Когда она садилась за рояль, гдѣ бы я ни была, чѣмъ бы ни занималась,—все бросала, становилась около нея, упивалась ея игрой и цѣлыми часами оставалась подъ этимъ впечатлѣніемъ. Когда же я изучала этюды Мошелеса или пѣсни безъ словъ Мендельсона, я все окружающее забывала и при исполненіи каждой пьесы, въ моемъ воображеніи, сочиняла цѣлыя драмы, это меня прельщало и интересовало. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ, и я была въ восторгѣ, когда мнѣ дали изучить концертъ съ оркестромъ capriccio Мендельсона, который я исполнила на музыкальномъ вечерѣ въ пользу бѣдныхъ.

Г-жа Хорватъ, съ которой я занималась, была женщина очень умная, образованная и талантливая, дочь бывшаго губернскаго предводителя, стариннаго дворянскаго семейства Ошторпа. Она постоянно жила тогда въ деревнѣ и пріѣзжала только на нѣсколько недѣль въ городъ Минскъ, на время контрактовъ и выборовъ, такъ какъ ея мужъ былъ губернскій предводитель дворянства. Въ это время только и оживлялся городъ, потому что собирались предводители всѣхъ уѣздовъ. Общество очень образованное и интеллигентное; я была слишкомъ юна, чтобъ имъ пользоваться, но приглядывалась и прислушивалась къ ихъ разговору во время обѣда, когда мы соединялись со всѣмъ обществомъ.

Единственною газетою, которую получалъ и читалъ мой отецъ

была „Independance Belge“; тогда много говорили объ иностранной политикѣ, особливо о смутахъ въ Парижѣ, удивлялись присваиваніемъ титула императора Наполеону III-му; наша гувернантка m-lle Папье волновалась. При всей моей наивности, послѣ всего того, что я слышала о Наполеонѣ, я сдѣлала слѣдующее заключеніе: что не такъ уменъ Наполеонъ, какъ странны и недальновидны французы своимъ выборомъ послѣ его coup d'état. Дальше этого я не заходила въ своихъ мысляхъ и замѣчаніяхъ. Въ то время не позволялось разсуждать, и юная молодежь должна была молчать. О нашемъ внутреннемъ устройствѣ не говорили, россійскія дѣла не разбирали, слишкомъ расходились въ мнѣніяхъ, время было тяжелое, и печать молчанія была наложена на всѣхъ. А вмѣстѣ съ этимъ польскіе помѣщики Западнаго края большею частью были очень требовательны, строги и нѣкоторые жестоки со своими крестьянами. У моего отца каждый день вся прихожая, лѣстница была занята народомъ съ жалобой на помѣщиковъ. Одна изъ нихъ, Стоцкая, была извѣстна тѣмъ, что провинившихся крестьянокъ сажала въ боченокъ съ горячимъ дегтемъ, мы видѣли въ окошко, какъ ее осужденную везли привязанною къ колесницѣ. Этотъ фактъ такъ сильно подѣйствовалъ на мое воображеніе, что разъ, во время моего урока у г-жи Хорватъ, когда пришли ей доложить о приходѣ мужа Стоцкой, я отъ страха убѣжала домой.

Музыкальныя упражненія съ г-жей Хорватъ были очень кратковременны и отрывочны; они не могли принести большую пользу, но страсть къ музыкѣ была громадная; къ несчастію, я родилась слишкомъ рано: тогда правильной музыкальной школы не существовало, и я только была обязана матери, которая неустанно слѣдила за моей игрой.—Она на все находила время, желая, чтобы мы были ловки и довольно изящны, она насъ также учила характернымъ танцамъ, такъ какъ сама въ молодости у моего дѣдушки плясала русскую и pas de chale—тогдашній модный танецъ. Мать наша постоянно слѣдила за каждымъ нашимъ движеніемъ; она сама воспитывалась въ большомъ свѣтѣ. У дѣдушки Львова собиралось самое изысканное общество, все иностранное посольство, всѣ знаменитые артисты и т. п.; маменька боялась, чтобы провинція не сдѣлала насъ неуклюжими.

Когда мнѣ было 14 лѣтъ, а сестрѣ 13, повезли насъ въ Петербургъ съ гувернанткой m-lle Папье, и мы остановились у дяди Фулонъ; родная сестра матери была за нимъ замужемъ. Мы очень подружились съ одногодками нашими двоюродными сестрами, особенно со старшей Анной, которая потомъ вышла замужъ за моряка Эша-

пара. Тутъ пошло соревнованіе въ музыкѣ; мнѣ посчастливилось, и я взяла надо всѣми верхъ. Мнѣ дали изучать какой-то дуэтъ рояля со скрипкой, я этимъ возгордилась потому, что пришлось играть съ дядей Александромъ Ѳедоровичемъ Львовымъ, сама же въ душѣ сознавала, что исполненіе мое было очень слабо и что я далеко не была достойна аккомпанировать такого знаменитаго музыканта, какъ мой дядя, да и дуэтъ не былъ въ моемъ вкусѣ; совсѣмъ не помню имя композитора, только довольно длинное. Моимъ учителемъ былъ тогда нѣкто Бланкмееръ, не симпатичный и холодный нѣмецъ.

Въ это самое время была свадьба моей тетки Ростовской, извѣстной писательницы своими дѣтскими разсказами. Всѣ ею занялись, такъ какъ свадьба состоялась во дворцѣ Царскаго Села, и государь Николай Павловичъ былъ посаженымъ отцомъ. Мы, какъ дѣти, были въ сторонѣ и жили въ нашемъ юномъ мірѣ, далеко отъ интересовъ старшихъ родныхъ, и поэтому этотъ разъ я мало слышала музыки.

Мы не долго пробыли въ Петербургѣ и опять отправились восвояси въ Минскъ. Желѣзной дороги, конечно, тогда еще не было, и мы ѣхали въ большой старинной высокой каретѣ, въ которой лежа помѣщалась наша мама, я съ сестрой и гувернантка. Отъ однообразія и дорожной скуки, маменькѣ вздумалось пробовать голосъ моей сестры, которая до сего времени никогда не издавала ни одного пѣвучаго звука. Къ нашему удивленію, оказался у нея контральтовый тембръ, такъ что по возвращеніи въ Минскъ маменька стала насъ учить пѣнію. Сначала заставляла насъ тянуть ноты отъ низкаго по очереди всю октаву, а потомъ пѣть въ два голоса „Stabat Mater“, Перголези, и съ этого времени мы не покидали пѣніе съ сестрой, распѣвали разные легкіе дуэты, голоса были вѣрные, но еще не сильные, особливо въ сравненіи со звучнымъ и глубокимъ голосомъ нашей матери.

Въ слѣдующую поѣздку нашу въ Питеръ, взяли намъ итальянскаго учителя пѣнія, но тутъ завязался споръ дяди Алексѣя Ѳедоровича съ моими родителями, что необходимо было также учить меня особенно игрѣ на роялѣ; наконецъ дядя сказалъ отцу: „ежели ты не возьмешь Надѣ учителя піаниста, то я на это рѣшусь“. Вотъ и пригласили для меня Герке, тогда послѣ Гензельта самаго знаменитаго профессора музыки. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (срокъ отпуска отца) я училась музыкѣ и пѣнію,—конечно, слишкомъ короткій срокъ, чтобы достичь большихъ успѣховъ.

Черезъ два года времени, мы опять отправились въ Петербургъ, и тогда было рѣшено, что мой голосъ много обѣщаетъ, и потому итальянецъ Негри былъ предпочтенъ, хотя Герке оспаривалъ свое

преимущество. Съ Герке я разучивала сонаты Бетховена, этюды, вальсы, мазурки Шопена, романсы безъ словъ Мендельсона. Нѣкоторыя вещи мнѣ удавались не дурно и какъ юную дѣвушку невзыскательное общество подстрекало своимъ вниманіемъ. — Пѣвецъ же Негри давалъ прямо большія оперныя аріи.

Въ Петербургѣ у насъ было много родныхъ, со стороны матери, которой надо было блеснуть своими дочерьми и выставить наши таланты, вотъ и назначили у насъ музыкальный вечеръ. Я пѣла трудную арію изъ „Лучіи" соч. Доницетти; внутренній голосъ мнѣ подсказывалъ, что исполненіе было далеко не совершенное, но свѣжесть голоса и молодость брали верхъ надъ всѣмъ. Спѣли мы также дуэтъ изъ оперы „Джіуратенто" Меркаденте съ сестрой моей, у которой очень развился контральтовый голосъ, бархатнаго тембра, дуэтъ намъ очень удался и очаровалъ изысканное общество. Министръ Норовъ, другъ нашихъ родителей, пришелъ въ такой восторгъ отъ нашего пѣнія, что сталъ на колѣни и поцѣловалъ наши руки.—Къ сожалѣнію, по тогдашнему времени, насъ воспитывали какъ свѣтскихъ барышень и искусству учили болѣе для блеска и украшенія въ обществѣ, я же лично все болѣе и болѣе предавалась музыкѣ и пѣнію; когда мнѣ было грустно, садилась за рояль и за музыкальнымъ исполненіемъ лучшихъ произведеній, въ мечтаніяхъ, забывала все окружающее.

Какъ 16-ти лѣтняя дѣвушка, я была не дурна собою, ловка, хорошаго роста, и маменька захотѣла представить меня императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; заказали мнѣ чудное бѣлое платье изъ шелковаго тюля съ нѣсколькими тюниками на шелковомъ чехлѣ; въ первый разъ причесалъ меня парикмахеръ, прическа мнѣ не понравилась и я находила себя странной.

Въ большомъ Зимнемъ Дворцѣ пригласили насъ войти въ комнату, которая была раздѣлена краснобархатной занавѣсью. Статсъ-дама графиня Баранова оглянула меня со всѣхъ сторонъ и такъ какъ я была очень блѣдна, прислонила къ красному бархату и сказала „Le rouge vous va et vous plairez ainsi à l'emperatrice". Вскорѣ вошла императрица и сказала нѣсколько любезныхъ словъ; мы приложились къ ея рукѣ, и тѣмъ все кончилось. Когда мы возвращались и проходили царскія комнаты, встрѣчали генералъ-адъютантовъ и разныхъ военныхъ господъ; всѣ волновались, суетились, спѣшили куда-то; все это вмѣстѣ взятое внушило мнѣ какое-то непріятное чувство и отняло охоту бывать во дворцѣ. На слѣдующій день отецъ мой спросилъ, желаю ли я получить назначеніе во фрейлины при императрицѣ, на что я дала отрицательный отвѣтъ, и тогда взамѣнъ этого ему была дана другая награда.

Мы были приглашены на балъ въ Зимній Дворецъ и уже приго-

товились ѣхать, но за нѣсколько часовъ балъ былъ отложенъ, по случаю какого-то траура, такъ что мнѣ не удалось видѣть залы, убранныя цвѣтами, и общество въ роскошныхъ туалетахъ.

Въ театрахъ мы почти никогда не бывали. Повезли меня въ первый разъ слушать Гризи въ „Нормѣ"; сильное впечатлѣніе произвела она на меня своимъ пріятнымъ голосомъ и исполненіемъ. На слѣдующій день я такъ ей подражала въ аріи Casta Diva, что слушатели въ сосѣдней комнатѣ были поражены. Но все это были мимолетные случаи; по тогдашнему времени никто не думалъ, что надо было серьезно приняться за такой талантъ и правильно развить природныя способности.

Въ 1850 году моего отца назначили сенаторомъ въ Москву, куда мы и переѣхали на жительство. Тамъ у насъ постоянно устраивались музыкальные вечера. Много мы пѣли съ моей сестрой (которая потомъ вышла замужъ за Александра Николаевича Скобельцына). Семейство наше состояло изъ восьми человѣкъ: трехъ братьевъ и пяти сестеръ. Между собой мы были очень дружны и безпредѣльно любили отца и мать. Въ это время готовилось у насъ семейное торжество, которое мы устроили въ честь серебряной свадьбы нашихъ родителей; я была во главѣ всѣхъ дѣтей. Сработали мы полный туалетъ матери, одѣли ее съ ногъ до головы. Я сочинила поздравительное тріо, которое запѣли при пробужденіи отца и матери; цѣлое утро сопровождалось разными сюрпризами, а къ вечеру приготовили двѣ піесы, русскую и французскую, которыя семейно сыграли. Между прочимъ я выучила младшую 8-лѣтнюю сестру играть въ первый разъ на роялѣ. Взрослой дѣвушкой она была ученицей Николая Григорьевича Рубинштейна и сдѣлалась замѣчательной піанисткой. Она впослѣдствіи вышла замужъ за Дмитріева-Мамонова и когда онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Томскъ, она тамъ учредила отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества. Для составленія капитала она устраивала постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ концерты, въ которыхъ сама исполняла замѣчательныя классическія произведенія Бетховена, Шумана, Листа, Рубинштейна и т. д., съ большимъ талантомъ и съ громаднымъ успѣхомъ. Она была утверждена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ предсѣдательницей отдѣленія русскаго музыкальнаго общества, и Сибирь ей обязана своимъ музыкальнымъ развитіемъ. Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ выслалъ ей изъ Москвы чудный рояль Беккера.

Семейный праздникъ нашъ очень удался, это было въ началѣ нашего пребыванія въ Москвѣ. Насъ посѣщало большое общество; сестру и меня пригласили пѣть въ концертѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ большомъ залѣ Дворянскаго собранія. Мы пѣли

дуэтъ изъ „Пророка“ Меербера и другой изъ Доницетти; вѣроятно, шло недурно, потому что спустя два года, когда мы были обѣ замужемъ, слушая насъ у Ивана Васильевича Капниста, гдѣ насъ просили пѣть, одинъ изъ присутствующихъ выразилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: „Я второй разъ слышу такое чудное исполненіе; двухъ сестеръ Семеновыхъ въ концертѣ, а теперь этихъ молодыхъ дамъ“. Вообще тогда въ Москвѣ мало кто пѣлъ, какъ мы, и по этому случаю каждую недѣлю къ намъ собирались, чтобы насъ слушать.

Въ зимній сезонъ возили меня по баламъ, которые тогда въ Москвѣ были въ большой модѣ; они меня особенно не привлекали, все мнѣ казалось какъ-то чуждо, общество было мнѣ мало знакомое, товарокъ также не было, и потому я почти не отходила отъ матери, что, конечно, находили оригинальнымъ. Къ тому же, я была очень застѣнчива.

На балу у Римскаго-Корсакова въ 1851 году былъ мнѣ представленъ очень красивый и интересный молодой человѣкъ, 22 лѣтъ; онъ такъ меня поразилъ, что при его поклонѣ, я вся вздрогнула и сейчасъ вообразила, что это счастливое предзнаменованіе: въ этомъ не ошиблась, то былъ Василій Николаевичъ Невѣдомскій, за котораго въ слѣдующемъ году я вышла замужъ. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ. Страстно я его полюбила, онъ все въ себѣ соединялъ: красоту, молодость, широкое образованіе, необыкновенную память, рѣдкій даръ слова, и при всемъ этомъ изящное воспитаніе. Тогда онъ служилъ чиновникомъ при генералъ-губернаторѣ графѣ Закревскомъ, но вскорѣ перешелъ въ Сенатъ помощникомъ секретаря къ Побѣдоносцеву.

Устроились мы очень скромно, средства у насъ были маленькія. Отецъ мой выдавалъ 150 рублей въ мѣсяцъ, у моего мужа не было никакого состоянія. Семейство Невѣдомскихъ состояло изъ 12 человѣкъ дѣтей; приходилось на каждаго члена неопредѣленное и очень незначительное пособіе для жизни. По родству и странному тогдашнему взгляду нашли необходимымъ, чтобы у насъ былъ свой выѣздной экипажъ; три тысячи были издержаны на мое приданое и въ томъ числѣ куплена карета. При крѣпостномъ правѣ и дешевизнѣ можно было еще жить и довольствоваться этими малыми средствами.

Жена генералъ-губернатора, графиня Закревская (очень эксцентричная дама) затѣяла любительскій спектакль, въ которомъ я должна была играть главную роль и пѣть. Все это я удачно исполнила, и извѣстный Маркевичъ отзывался съ большой похвалой о моемъ талантѣ. Мнѣ пришлось также участвовать въ нѣсколькихъ благотворительныхъ концертахъ, въ одномъ, между прочимъ, гдѣ пѣла знаменитая пѣвица Лагранжъ. Графъ Гудовичъ, хорошій музыкантъ, критически ко всему относившійся, нашелъ, что моимъ голосомъ я

убила Лагранжъ; публика была такъ снисходительна и добра къ моей молодости, что несчетное число разъ меня вызывала и безумно апплодировала. Но я нисколько этимъ не возгордилась; по характеру, а главное по воспитанію, я была еще очень застѣнчива, мнѣ даже совѣстно было пѣть, во весь голосъ у себя дома, мнѣ все казалось, что я слишкомъ кричу, такъ какъ мой голосъ раздавался во всемъ Штатномъ переулкѣ, въ которомъ мы тогда жили. Въ это время итальянецъ Пицинато былъ извѣстный преподаватель пѣнія, онъ просилъ моего мужа давать мнѣ уроки за стаканъ воды. Конечно, мой мужъ на это не согласился, я же каждый день одна упражнялась часами и постоянно мнѣ слышался таинственный голосъ: „это тебѣ пригодится".

Знакомыхъ домовъ у насъ было много, но частые выѣзды очень наскучили, мы старались ихъ избѣгать. Была я на вечерѣ у нашей извѣстной поэтессы графини Растопчиной, у которой мнѣ пришлось много пѣть—нѣсколько пѣсенъ Шуберта; я имѣла счастье такъ ей понравиться моимъ исполненіемъ, что она написала слова на двѣ мазурки Шопена, которыя просила позволеніе мнѣ посвятить при слѣдующей запискѣ.

Voici Madame les paroles pour les deux Masourka de Chopin, je suis heureuse de penser qu'elles seront peut-être chanter par une aussi belle voix et par une aussi charmante femme! Si je me décide, à les faire imprimer, voulez vous me permettre de vous les dedier. En leur donnant pour patronage le talent, la jeunesse et la grâce réunies—je croirais leur porter bonheur!

Je saisis cette vecasion, Madame, de vous assurer, de tout la sympathie que vous porte.

Votre très dévouée. Comtesse E. Rostoptchine.

СТИХИ НА МАЗУРКИ.

ПЕРВАЯ МАЗУРКА.

ГРУСТЬ НЕВѢСТЫ.

Полночь бьетъ и свищетъ вьюга.
Что ты, дѣвушка, одна...
Что не спишь... Иль ждешь ты друга,
Тороплива и блѣдна...
Да, я жду... Онъ обѣщалъ мнѣ
Посѣтить свой край родной;
Онъ пріѣдетъ... Онъ писалъ мнѣ:
„Жди меня, примчусь съ зимой..."
Въ бѣлый саванъ свой широкій
Вотъ зима ужъ облеклась:
Гдѣ же милый, гдѣжъ далекій,
Иль забылъ совсѣмъ про насъ.

Вотъ и святки миновали...
Вотъ насталъ и Новый годъ...
Нѣтъ его... Изъ чуждой дали
Онъ и вѣсточки не шлетъ...
Знать, везетъ ему тамъ счастье.
Край родной ему не милъ...
Знать, онъ счастливъ новой страстью
И невѣсту позабылъ...
Нѣтъ, не плачь, не плачь, дѣвица,
И на друга не пеняй.
Вотъ письмо: скорѣй свѣтлицу
Доброй вѣсти отворяй...
Вѣренъ онъ тебѣ въ чужбинѣ,
Дышетъ тамъ тобой одной...
Онъ, какъ прежде, любитъ нынѣ
Отчій домъ и край родной.

ВТОРАЯ МАЗУРКА.

ПИСЬМО ОТЪ ДРУГА.

За морями, за горами
Я одинъ въ странѣ чужой
Подъ чужими небесами
Вѣренъ я странѣ родной.
Тамъ живетъ моя денница
Люба прежняя моя,
Свѣтлоокая дѣвица
Все зоветъ и ждетъ меня.
За морями, за горами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
Подъ чужими небесами
Вѣренъ первой милой я своей.
Я видалъ красавицъ много...
Много черныхъ, свѣтлыхъ глазъ,
Сердце сладкою тревогой
Воспѣвали мнѣ не разъ:
Но предъ этими глазами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
За морями, за горами
Вѣренъ первой Любѣ я своей...
И плѣнительнымъ видѣньямъ
Посвящалась жизнь моя,
И минутнымъ искушеньямъ,
Грѣшный, предавался я...
Но и съ новыми мечтами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
За морями, за горами,
Вѣренъ прежней, милой я своей...

Все мнѣ снится кровъ родимый
Подъ синѣющимъ дымкомъ...
Тамъ она съ сестрой любимой
И съ сѣдымъ моимъ отцомъ...
За морями, за горами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
Я душой живу съ друзьями,
Съ первой, милой Любою моей.

Я была очень тронута лестнымъ вниманіемъ талантливой графини, но не могла сейчасъ исполнить ея желаніе и примѣнить слова къ мазуркамъ; даже не пришлось мнѣ болѣе ее встрѣчать, такъ какъ пріѣхалъ къ намъ отецъ моего мужа больнымъ и вскорѣ умеръ отъ рака; мы поѣхали на похороны въ его имѣніе Подобино, Тверской губерніи. Болѣзнь и смерть отца очень подѣйствовали на здоровье моего мужа, который вообще не былъ крѣпкаго сложенія; намъ не хотѣлось болѣе оставаться въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что мой отецъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Петербургъ, и мы переѣхали туда. Мой мужъ получилъ назначеніе секретаремъ въ Сенатѣ и часто приходилось ему исполнять должность оберъ-секретаря. Онъ очень ревностно занимался службой и приводилъ въ восторгъ присутствующихъ сенаторовъ своими докладами, что передали моему отцу. О характерѣ, дѣйствіяхъ и дѣятельности моего мужа хочу составить особенную главу.

Въ Петербургѣ за мой голосъ меня полюбили всѣ родственники Львовы, особливо дядя Алексѣй Ѳедоровичъ, у котораго каждую недѣлю устраивались замѣчательные квартетные вечера, которые меня приводили въ полный восторгъ. Приходилось мнѣ въ нихъ участвовать. Я пѣла партію Донъ-Эльвиры въ тріо изъ „Донъ-Жуана“ Моцарта съ извѣстной дилеттанткой камеръ-фрейлиной Полиной Бартеневой и съ знаменитымъ теноромъ Кальцоляри; исполняла также съ увлеченіемъ романсы Шуберта съ аккомпаниментомъ скрипки и романсы тетки Надежды Ѳедоровны Самсоновой. Каждый разъ получала большія похвалы отъ графа Віельгорскаго и отъ всѣхъ артистовъ. Наконецъ, видя мой успѣхъ, дядя пожелалъ, чтобы я приходила къ нему каждый вечеръ, для изученія подъ аккомпаниментъ скрипки его оперу „Ундину“, что я дѣлала съ большимъ удовольствіемъ. Скоро я превозмогла всѣ трудности, несмотря на то, что партія была написана очень высокой тецитурой. Было рѣшено спѣть всю оперу въ дворцовой пѣвческой капеллѣ, гдѣ состоялъ директоромъ дядя. Для исполненія другихъ партій, онъ пригласилъ знаменитыхъ итальянскихъ артистовъ: Лаблаша, Кальцоляри и Александрову-Кочетову для второй женской партіи. Зало было полно приглашенныхъ. Извѣстный

Улыбышевъ подошелъ ко мнѣ, поздравилъ съ успѣхомъ и былъ совершенно тронутъ, что русская достигла такого исполненія; тогда въ Петербургѣ была знаменитая и очаровательная пѣвица Бозіо; онъ увѣрялъ, что мой голосъ звучалъ гораздо лучше, чему, конечно, я не довѣряла. А когда я ему сказала, что моя мечта ѣхать за границу и предпринять артистическую карьеру, старикъ вскочилъ отъ радости. Я была совершенно взволнована отъ всѣхъ похвалъ, одни говорили, что у меня милліоны въ горлѣ. Лаблашъ находилъ, что я напоминала Джени Линдъ.

Все это я достигла самоучкой, потому, что хорошаго постояннаго учителя пѣнія я не имѣла, опредѣленную школу я не прошла, но вѣрила твердо и горячо въ свою счастливую и удачную будущность, какъ умѣютъ вѣрить только смолоду, не предвидя всѣхъ трудностей. На слѣдующій день послѣ исполненія оперы „Ундины", прислали мнѣ со всѣхъ сторонъ цвѣты, а дядя ожерелье крупныхъ розовыхъ коралловъ съ замочкомъ, на которомъ было гравировано „дорогой Ундинѣ". Этотъ успѣхъ вскружилъ мнѣ голову и далъ желаніе совершенствоваться и серьезно заняться музыкой и пѣніемъ; тогда надо было ѣхать за границу; сама судьба помогла исполнить мое влеченіе.

Здоровье мое сильно разстроилось отъ нервнаго возбужденія, петербургскій климатъ также дурно повліялъ на слабый организмъ моего мужа, и намъ было предписано докторами ѣхать на воды и потомъ на морскія купанья. Для леченія сезонъ еще не начался, мы и рѣшились сначала ѣхать прямо въ Парижъ; я заручилась письмомъ отъ дяди къ Віардо, она очень его любила и во время своего пребыванія въ Петербургѣ, цѣлыми вечерами у него пѣла, когда я еще была ребенкомъ и мы жили въ Вильнѣ.

По прибытіи нашемъ въ Парижъ, я тотчасъ отправилась къ Віардо съ письмомъ; она съ удовольствіемъ согласилась давать мнѣ уроки пѣнія; я также захотѣла учиться итальянскому языку, она мнѣ рекомендовала г-на Моненъ.

Моненъ показался мнѣ очень интереснымъ, усердно со мной занимался; онъ все грустилъ по Италіи, жаловался на головную боль, но мало распространялся о своей жизни; меня влекло за нимъ ухаживать, такъ старикъ былъ симпатиченъ, но постоянно задумчивый и унылый, Условіе вознагражденія за уроки не было сдѣлано, и послѣ десяти уроковъ мой мужъ отправился къ г-жѣ Віардо, чтобы узнать, сколько мы ему должны? На этотъ вопросъ она у него спросила: „знаете ли вы съ кѣмъ имѣете дѣло, это знаменитый Манини, послѣдній венеціанскій дожъ". Это открытіе такъ поразило моего мужа, что онъ тотчасъ отправился къ нему, но не могъ его видѣть, потому что онъ былъ опасно боленъ и вскорѣ умеръ. У меня сохраняется

тетрадь съ его рукописными поправками. Уроки г-жи Віардо не могли мнѣ принести большой пользы, они были слишкомъ кратковременны, и при томъ она заставляла меня исполнять слишкомъ трудныя вещи безъ предварительнаго приготовленія; голосомъ моимъ и талантомъ восхищалась и совѣтовала ѣхать въ Лондонъ брать уроки пѣнія у ея брата, Manuel Garzia. Мы прожили два мѣсяца въ Остенде для морскихъ купаній, а въ октябрѣ мѣсяцѣ отправились въ Лондонъ, гдѣ начала серьезно работать подъ руководствомъ Гарсіа, а теоріи музыки брала уроки у знаменитаго віолончелиста Молика, которому мой голосъ особенно понравился. Онъ уговаривалъ меня не слишкомъ утомлять его разными упражненіями, чтобы не терять его звучность, густоту и мягкость тембра. Гарсіа, которому я вполнѣ довѣряла, давалъ мнѣ пѣть партіи самаго высокаго сопрано въ перемежку съ самыми низкими для контральто, онъ понялъ силу моего голоса, но дѣйствовалъ какъ съ выгодной и очень молодой ученицей. За каждый урокъ я оставляла гинею. Прежде всего, время у него считалось золотомъ и каждый часъ новая ученица смѣняла другую. Віардо и онъ не утруждали себя, первая берегла остатокъ своего голоса, а Гарсіа не могъ за недостаткомъ голоса ничего основательно показать или исполнить. Оба говорили мнѣ при трудномъ пассажѣ или триллирѣ на самыхъ высокихъ нотахъ „allez toujours". Что придавало храбрости, но не умѣнья и знанія.

Уроки съ Гарсіа и съ Моликомъ продолжались шесть мѣсяцевъ. Весной для поправленія здоровья отправились мы на воды въ Висбаденъ, тамъ я познакомилась съ г-жей Вильгельми, прекрасною пѣвицей, матерью знаменитаго віолончелиста; много мы вмѣстѣ пѣли и наслаждались музыкой. Приходилъ со мной знакомиться маркизъ Санъ-Піери, извѣстный въ то время дилеттантъ, который знавалъ Малибранъ и Віардо; онъ меня слушалъ и сильно поддерживалъ въ мысли предпринятія артистической карьеры; приглашалъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Италію, куда я и стремилась, тѣмъ болѣе, что обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда именно Италія.

Маркизъ далъ мнѣ рекомендательное посьмо къ Ламперти, знаменитому учителю пѣнія въ Миланѣ, тутъ я также познакомилась съ маркизомъ Трекки; бывшій адъютантъ короля Италіи Виктора Эмануеля, онъ предложилъ насъ встрѣтить въ Миланѣ, гдѣ сейчасъ же по его рекомендаціи импрессарій доставилъ мнѣ выгодное приглашеніе какъ дебютантки примадонной въ городъ Піаченцу; но къ моему огорченію ничего не состоялось, моего молодаго мужа вдругъ эта карьера испугала, онъ вообразилъ, что этотъ Трекки за мной ухаживаетъ, и потому объявилъ желаніе все бросить и возвратиться въ Россію, что мы и сдѣлали безъ всякой борьбы. Любовь моя къ мужу

превышала всѣ другія чувства. Такъ какъ его здоровье было слабое, я всю мою жизнь за него боялась, и развилась у меня суевѣрная покорность року и раздвоеніе чувствъ, любовь безграничная къ мужу и такая же къ искусству. Никто не зналъ той внутренней драмы, которая развивалась и все росла въ душѣ. Я избѣгала говорить. Поѣхали мы прямо въ Петербургъ и остановились у моего отца. Родители мои были въ восторгѣ рѣшеніемъ моего мужа бросить артистическую карьеру. Отецъ мой уговорилъ моего мужа вступить на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, лѣтомъ ему были поручены ревизіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ, я всюду его сопровождала, несмотря на ужасныя проселочныя дороги и на всякія неудобства и лишенія. Я говорила моему мужу, что хочу всюду быть его товарищемъ, тѣмъ болѣе, что мы были лишены счастія имѣть дѣтей.

Я находила, что въ принципѣ нужно, чтобъ любовь проникла всю нашу сущность, всего человѣка и не оставалась пустою мыслью.

Музыкой и пѣніемъ мнѣ совершенно не приходилось заниматься лѣтомъ, но я захватила съ собой много разныхъ книгъ, передумывала и перечитывала многое русское и иностранное, все, что только касалось искусства и пѣнія. Зиму же мы провели въ Петербургѣ, гдѣ я много пѣла въ обществѣ, и ни одинъ концертъ не могъ состояться безъ моего участія. Пѣла я нѣсколько разъ въ Университетѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, также въ память Чешскаго поэта Ганки—въ пользу его семейства. Извѣстный музыкантъ Воячекъ просилъ меня спѣть нѣсколько чешскихъ пѣсенъ, между прочимъ, старинную славянскую пѣсню Нитру и чешскія народныя пѣсни; онъ былъ пораженъ, какъ я инстинктивно поняла ихъ характеръ. Студенты же по обыкновенію приходили въ восторгъ и, провожая меня, называли Ганочкой. Въ этотъ самый сезонъ графиня Строганова, попечительница всѣхъ дѣтскихъ пріютовъ въ Петербругѣ, поручила Антону Григорьевичу Рубинштейну устроить концертъ въ пользу ея пріютовъ, онъ пріѣхалъ просить меня участвовать и для переговоровъ собраться въ зданіе Думы, приглашены также были Штуве, Шиловская, Венявскій, Петровъ.

Я предложила спѣть большую концертную арію Бетховена съ оркестромъ и нѣсколько романсовъ, которые мнѣ аккомпанировалъ Рубинштейнъ. Г-жа Калержи, ур. Нессельроде, большая музыкантша, захотѣла со мной познакомиться, такъ ей понравилось мое исполненіе. Петровъ, нашъ знаменитый артистъ и пѣвецъ, восхищался объемомъ и ровностью моего голоса во всѣхъ регистрахъ, наконецъ, великая княгиня Елена Павловна, которая присутствовала на генеральной репетиціи, пригласила меня въ свою ложу, спросила, кто былъ мой преподаватель, и пожелала, чтобы я у нея была. Черезъ нѣсколько

дней спустя великая княгиня поручила княжнѣ Львовой письменно пригласить меня на вечеръ. Я никогда не забуду ея простое и милое расположеніе ко мнѣ. Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій встрѣтилъ меня на лѣстницѣ и ввелъ въ гостиную, гдѣ я нашла самое изысканное небольшое общество, какъ князь Черкасскій, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, Вьетанъ, Рубинштейнъ, Штуве (впослѣдствіи жена Ал. Ал. Абазы). Великая княгиня любезно со всѣми говорила и своимъ привлекательнымъ умомъ умѣла всѣхъ очаровывать; она поручила князю Одоевскому просить меня пѣть и такъ какъ нотъ я съ собой не привезла, приказала выбрать въ ея музыкальной библіотекѣ по моему желанію. Я спѣла арію Ивы изъ оперы „Отелло" Россини и арію Шуберта, Рубинштейнъ мнѣ аккомпанировалъ что меня особенно вдохновляло. Всѣ меня поздравляли, а Вьетанъ выражалъ восхищеніе, на что Рубинштейнъ отвѣчалъ: Il faut l'entendre dans l'air de Bethoven. Великая княгиня благодарила, аплодировала, и все это меня сильно взволновало; тѣмъ болѣе, что наканунѣ этого вечера, когда я была у моей тетки Львовой и сказала, что я приглашена къ великой княгинѣ, она меня предупредила, что мнѣ будетъ неловко, стѣснительно, на что я отвѣчала: „въ такомъ случаѣ у меня голова заболитъ и я тотчасъ уѣду". Случилось же совершенно противоположное, нигдѣ не встрѣчала я столько простоты и предупредительности.

Мнѣ было пріятно видѣть тамъ Ивана Сергѣевича Тургенева, который за нѣсколько дней передъ этимъ пріѣзжалъ съ нашимъ поэтомъ Апухтинымъ со мной познакомиться, такъ какъ г-жа Віардо ему говорила обо мнѣ и рекомендовала меня.

Я была польщена этимъ фактомъ, пригласила его къ намъ обѣдать, но такъ какъ это было въ началѣ нашего пріѣзда изъ-за границы, а мы жили въ домѣ родителей, у которыхъ остановились на время, то это насъ очень стѣсняло и не давало свободу въ дѣйствіяхъ и разговорахъ. За обѣдомъ Иванъ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что приглашенъ къ великой княгинѣ, и что придется ему сбрить бороду по этому случаю, потому что не принято ее носить въ Россіи; это меня поразило, и на это мой отвѣтъ былъ, что не подобаетъ Ивану Сергѣевичу что-либо мѣнять въ своихъ привычкахъ для кого бы то ни было. Апухтинъ часто у насъ бывалъ и, слушая меня, написалъ въ мой альбомъ слѣдующіе стихи:

Я слушалъ васъ... Мои мечты
Летѣли вдаль отъ свѣтской скуки;
Надъ шумомъ праздной суеты
Неслись чарующіе звуки.

Я слушалъ васъ... и мнѣ едва
Не снились вновь, какъ въ часъ разлуки,
Давно замолкшія слова,
Давно исчезнувшіе звуки.
Я слушалъ васъ... и нынѣ грудь,
И сердце рвалося отъ муки,
И слово горькое: „Забудь“
Твердили гаснувшіе звуки.

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ я также часто встрѣчалась у Гирсъ; г-жа Гирсъ была очень талантливая музыкантша; Антонъ Рубинштейнъ посѣщалъ эти вечера, и составился нашъ кружокъ, собиравшійся у нея, у Веригиной и у меня. Рубинштейнъ тогда издалъ тетрадь романсовъ, посвященныхъ по одному каждой изъ насъ. То время было самое интересное; подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны устраивались концерты Русскаго музыкальнаго общества, дирижеромъ которыхъ былъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Они пользовались громаднымъ успѣхомъ и многолюднымъ посѣщеніемъ. Директора общества прислали ко мнѣ депутацію во главѣ своего секретаря Дмитрія Стасова, съ приглашеніемъ пѣть въ одномъ изъ концертовъ. Я согласилась съ удовольствіемъ, хотя другая партія (во главѣ которой былъ мой дядя Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ) протестовала, я же лично находила, что искусство выше всѣхъ личностей и партій, назначила арію изъ „Fidelio“ Бетховена и другую съ хоромъ изъ „Оберона“ Вебера. Успѣхъ былъ значительный, превзошелъ всѣ ожиданія, князь Одоевскій, Теофилъ Толстой и многіе другіе меня окружили. Одни находили, что я лирическая пѣвица, другіе, что тембръ голоса драматичный, сильный и выразительный. Много обо мнѣ говорили. Бабушка моя Елизавета Николаевна Львова гордилась своей внучкой и пригласила меня на слѣдующій день ѣхать съ нею въ оперу; меня также часто слышали въ дворцовой капелѣ, гдѣ я пѣла съ благотворительною цѣлью, и потому въ ложѣ я служила предметомъ общаго вниманія. Дядя Алексѣй Ѳедоровичъ воспользовался этимъ успѣхомъ и назначилъ у себя музыкальный вечеръ. Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, великій князь Константинъ Николаевичъ и герцогъ Мекленбургскій удостоили своимъ присутствіемъ. Я пѣла романсы Шуберта и русскую пѣсню сочиненія дяди; она очень понравилась, и мнѣ передали, что на другой день цесаревичъ все ее распѣвалъ. За достовѣрность этого факта не ручаюсь. Мало ли, что сочиняютъ, чтобы польстить молодую талантливую женщину, и я душою не прельщалась всѣми этими заманчивыми успѣхами. Искра божественнаго огня, истиннаго уваженія къ искусству сидѣла у меня глубоко, артисти

ческая карьера представлялась мнѣ нескончаемой вереницей все новыхъ и новыхъ радужныхъ впечатлѣній. Вѣчно я строила проекты и планы, которые рѣдко исполнялись. Съ любящей и экзальтированной натурой по природѣ я почти постоянно страдала внутренно за жизнь и слабое здоровье моего мужа и, вмѣстѣ съ этимъ, говорила, что мои волненія и желаніе воспользоваться своимъ талантомъ мнѣ много горя принесутъ. Мы потеряли въ предпріятіяхъ часть нашего маленькаго капитала, моему мужу министръ государственныхъ имуществъ предложилъ зимнюю ревизію въ отдаленную Оренбургскую губернію, безъ всякаго оклада, къ тому же здоровье его такъ пошатнулось, что знаменитый докторъ Здекауэръ посылалъ безъ оглядки въ теплый климатъ за границу, какъ можно скорѣе. Вотъ мы и рѣшились бросить службу, продали все движимое и поѣхали съ намѣреніемъ исполнить мое завѣтное желаніе; я думала, что этимъ также помогу моему мужу. Но это было лишь мечтаніе, на то недостаточно имѣть неугасимую энергію, талантъ, голосъ; другое требовалось, что не приставало къ моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Сначала приходилось бороться противъ предубѣжденій родныхъ и тогдашняго взгляда на артистическую карьеру, и вообще мое положеніе не отличалось благопріятными условіями для широкой артистической дѣятельности. Всѣ мои родственники были противъ этого, дядя Алексѣй Ѳедоровичъ не хотѣлъ мнѣ дать рекомендательныя письма ни къ Ѳетису (извѣстный музыкальный историкъ и критикъ въ Брюсселѣ), ни къ Оберу, ни къ Берліозу, хотя онъ всѣхъ ихъ зналъ и былъ съ ними въ перепискѣ. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ также былъ недоволенъ, что я оставляю Петербургъ, когда могла быть полезна участіемъ въ концертахъ Русскаго музыкальнаго общества, великая княгиня Елена Павловна желала, чтобы я жила у нея во дворцѣ и участвовала на всѣхъ музыкальныхъ вечерахъ, которые давались у нея, но мнѣ невозможно было ни на что согласиться.

Поѣхали мы сначала въ Висбаденъ. Тамъ я познакомилась съ извѣстнымъ скрипачемъ, профессоромъ Давидомъ, который пригласилъ меня пріѣхать въ Лейпцигъ. Я воспользовалась этимъ случаемъ, мнѣ очень хотѣлось пѣть въ Гевандгаузенѣ, туда пріѣхалъ со мной знакомиться Мошелесъ, аккомпанировалъ мнѣ концертную арію Бетховена, и я должна была на слѣдующій сезонъ пріѣхать по приглашенію пѣть въ Гевандгаузенѣ. Оттуда заѣхали мы въ Баденъ-Баденъ, всюду въ обществѣ и въ казино меня приглашали пѣть, тамъ я также познакомилась съ Берліозомъ, который совѣтовалъ мнѣ пріѣхать на зиму въ Парижъ. Все общество собиралось въ казино меня слушать, наши посланники Бутеньевъ, Титовъ, графъ Хребтовичъ, Барятинскій,

Ламздорфъ, лэди Сеймуръ съ дочерьми, всѣ ко мнѣ пріѣзжали и, когда я пѣла арію Генделя „Figlio mia non piagerno“, то рѣшительно всѣ были до слезъ взволнованы, и кто-то сказалъ: „посмотрите на графа Хребтовича,—и тотъ въ слезахъ“. Великая княгиня Елена Павловна находилась также въ Баденѣ, часто за мной присылала г-жу Раденъ, свою статсъ-даму, очень благосклонно относилась ко мнѣ и къ моему мужу, много съ нимъ говорила, спросила также, отчего онъ оставилъ службу и не желаетъ ли ее возобновить, но здоровье его уже было слишкомъ расшатано, денежныя дѣла въ очень плачевномъ состояніи, и потому невозможно было возвратиться въ Россію, и мы поѣхали прямо во Флоренцію. Какъ переѣхали Альпы, моему мужу стало лучше и кашель принялъ менѣе острый и опасный оборотъ.

По нашемъ пріѣздѣ во Флоренцію, я сейчасъ отправилась къ знаменитому профессору пѣнія старику Романи, изучила съ нимъ нѣсколько оперъ; онъ былъ доволенъ моими успѣхами; познакомилась также съ княземъ Понятовскимъ, почетнымъ директоромъ театра Pergola. Его жена была извѣстная пѣвица делеттантка, замѣтно было, что мой голосъ имъ особенно понравился, но все для достиженія цѣли не то было надо, и внутреннее чувство мнѣ внушило разныя грустныя мысли. Послѣ двухъ мѣсяцевъ занятій поѣхали мы въ Миланъ, гдѣ устраиваются всѣ приглашенія. Извѣстный импрессаріо Лорини, прослушавъ меня, изъявилъ желаніе пригласить на три года, чему я воспротивилась, хотя онъ мнѣ сказалъ, что Арто, Требелли не могли бы ничего сдѣлать безъ него. Онъ имъ устраивалъ рекламы и статьи въ газетахъ, но для меня такъ все это было ново, что пугало, и я только соглашалась на одинъ сезонъ ѣхать въ Туринъ. Страшная ошибка и непониманіе своихъ выгодъ, чѣмъ онъ, конечно, воспользовался.

Первый мой дебютъ былъ въ „Поліектѣ“, соч. Доницетти. Когда я вышла на сцену, мой импрессаріо сказалъ, что его обдало холодомъ; такъ я ему напомнила Рашель (которую въ юности моей я видѣла въ этой самой роли). Весь первый актъ прошелъ хорошо до финала, тутъ молодой баритонъ сталъ повышать голосъ, и такой былъ разладъ хора съ оркестромъ, что меня совершенно смутило; къ счастью, у капельмейстера въ оркестрѣ была скрипка въ рукахъ, я ему мигнула, чтобы онъ тронулъ одну струну, и тотчасъ вступила вѣрно въ мое соло, такъ что возстановила весь хоръ. Публика покрыла меня апплодисментами, а когда опустили занавѣсъ, дирекція пришла меня поздравить, всѣ же артисты назвали меня ангеломъ спасителемъ, потому что, не возьми я вѣрную ноту, дирекція протестовала бы весь артистическій персоналъ, и мы должны были бы всѣ отправиться безъ гонорара восвояси.

*

Второй дебютъ былъ въ „Лукреціи Борджіа“, третья опера—„Норма“. Теноръ, пѣвшій со мной, былъ старый извѣстный артистъ, онъ такъ былъ обиженъ, что назначили въ двухъ операхъ сряду меня протогонисткой, что на послѣднемъ представленіи „Лукреціи“, во время дуэта мѣнялъ ритмъ и старался меня сбить, но ему не удалось, это меня такъ возмутило, что въ послѣднемъ восклицаніи въ дуэтѣ, вмѣсто выраженія горя, что Женнаро отравленъ, я радостно вскрикнула и тѣмъ заглушила большую овацію.

Въ „Нормѣ“ я имѣла громадный успѣхъ, меня забросали цвѣтами и по телеграфу меня приглашали исполнить самую оперу въ Пизѣ, но я не рѣшилась ѣхать, такъ какъ по случаю утомленія и горловой простуды боялась повредить голосу. Большая ошибка, доказывающая полную неопытность.

Нервы мои были сильно возбуждены, я поддерживала свои силы бульономъ и краснымъ теплымъ виномъ, никакой пищи не могла найти по своему вкусу. Однажды не могла встать съ постели отъ постояннаго головокруженія, а въ этотъ день былъ назначенъ бенефисъ молодой дѣвушки балерины, долженствующей танцовать во время антрактовъ. Ей были приготовлены подарки, и она пришла ко мнѣ и умоляла пѣть, не отлагая день представленія. Я обѣщала исполнить ея желаніе, ежели буду въ состояніи стоять на ногахъ. Силой воли достигла желаемаго и вечеромъ исполнила партію Лукреціи. Это осчастливило бенефиціантку.

Съ артистами я старалась быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, хотя они были мало образованы и воспитаны въ Италіи. Никто не игралъ ни на какомъ инструментѣ и потому меня считали профессоромъ и называли увеличительнымъ нарѣчіемъ (profesorano). Говорила я съ ними по-итальянски въ третьемъ лицѣ, по обычаю общественнаго разговора. Моя сдержанность никому не нравилась, хотя я всѣхъ принимала, угощала и старалась имъ угождать. Прислуга моя мнѣ призналась, что ей предлагали хорошее вознагражденіе, чтобы мнѣ всыпать наркотинъ, отъ котораго я бы не умерла, но пропалъ бы голосъ.

Жили мы очень скромно и долговъ не дѣлали, то и распространяли слухъ, что я не нуждаюсь въ заработкѣ, а пріѣхала изъ любви къ искусству и забираю ихъ деньги, тѣмъ болѣе, что я не допускала за собой ухаживать и гордо смѣялась надъ тѣми, которые мнѣ предлагали дворцы и богатство. Также я не соглашалась на ихъ обычай, во время своего бенефиса, выставлять при входѣ въ театръ большой подносъ для собиранія подарковъ и денежныхъ приношеній. Большую часть прибыли бенефиса отдавала хору, который составлялся изъ ремесленниковъ и бѣднаго народа.

Разъ, проходя съ мужемъ по набережной въ Генуѣ, мы встрѣтили крестьянина, который несъ на спинѣ большой тюкъ. Увидя меня, онъ бросилъ его въ сторону, сталъ на колѣни и закричалъ: „Viva signora Duno". Въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ я пѣла, на стѣнахъ были написаны эти восклицанія. Серенады часто ночью давались мнѣ передъ моими окнами, такъ что мнѣ приходилось вставать, одѣваться и выходить на балконъ для выраженія благодарности. Вообще итальянская публика ко мнѣ очень горячо относилась. Въ Италіи публика живая, страстная, впечатлительная, не сдержанная, она вся точно бурлитъ страстями, вся дышитъ жизнью, прорывающейся въ каждомъ крикѣ, въ каждомъ движеніи, она сама собой вдохновляетъ артиста. Такъ было въ семидесятыхъ годахъ. Въ теперешнемъ общемъ направленіи, можетъ быть, все перемѣнилось. Послѣ Турина я получила приглашеніе пѣть въ Перуджіо, гдѣ исполнила четыре оперы. На первой репетиціи съ оркестромъ, я нашла, что все шло очень плохо и что директоръ оркестра по преклонному возрасту не былъ на высотѣ своего призванія; я протестовала, заявляя, что такъ идти не можетъ, что я отказываюсь пѣть. На спѣвкахъ же съ роялью у меня на квартирѣ игралъ и дирижировалъ Кортичелли, бывшій ученикъ Меркаданте; я предложила дирекціи его взять для оркестра, а бывшему дать денежное вознагражденіе, что и было рѣшено,—и такъ исполнялась завѣтная мечта Кортичелли.

Во время моего пребыванія въ Перуджіо, меня постигло ужасное горе. Я получила извѣстіе изъ Россіи о смерти моего отца. Мать моя писала мнѣ и просила бросить карьеру и ѣхать свидѣться съ нею и съ младшей сестрой въ Берлинъ, на что я думала на время рѣшиться по окончаніи сезона. Но каковъ былъ ударъ, когда я получила телеграмму, что сама мама опасно занемогла; отправиться въ Россію мнѣ было невозможно: средствъ не хватало на такое дальнее и дорогое путешествіе. Она скончалась, и я должна была вынести это страшное горе, продолжать пѣть и исполнять долгъ, предписанный судьбою.

Все переживается и не поддается описанію. Кому какой интересъ былъ въ томъ, что я чувствовала. Сколько надо было силы воли, энергіи, чтобы не падать духомъ и побѣдить душевную скорбь. Надо было идти впередъ, но къ несчастью часто во многомъ заблуждалась, вслѣдствіе экзальтированнаго характера. Постоянныя музыкальныя занятія еще болѣе развивали безотчетное вѣрованіе во всевозможное и невозможное и внушали религіозное поклоненіе искусству для искусства.

Изъ Перуджіо отправились мы во Флоренцію, тамъ встрѣтили многихъ нашихъ русскихъ знакомыхъ, съ которыми часто видѣлись,

соединялись и ходили вмѣстѣ обѣдать въ маленькій недорогой ресторанъ. Кружокъ былъ интересный. Профессоръ Александръ Николаевичъ Веселовскій [1]), бывшій академикъ, съ женой, знаменитый художникъ Ге съ семействомъ, Прянишниковъ, очень талантливый молодой человѣкъ (онъ нарисовалъ мнѣ на память свой портретъ карандашомъ, глядя въ зеркало, въ то время, когда я упражнялась и изучала оперу; портретъ вышелъ прелестный по сходству); Каменскій, скульпторъ (который прельстился моей ногой и снялъ съ нея модель для заказанной статуи въ Америку); Елена Абрамовна Делянова, графиня Анрепъ, у которой я часто бывала и пѣла. Туда приходилъ меня слушать великій князь Николай, герцогъ Лейхтенбергскій. Я не умѣла воспользоваться его вниманіемъ и любезностью, а оно могло бы принести большую пользу для моей карьеры, но тогда мнѣ и въ голову это не приходило. Я вся была погружена, съ одной стороны, въ искусство, а съ другой—въ постоянныя заботы и безпокойство о здоровіи моего мужа. Тутъ еще случилась исторія, которая впослѣдствіи мнѣ много повредила.

На Страстной недѣлѣ пріѣхала ко мнѣ графиня Анрепъ и просила пѣть съ обществомъ, мнѣ совершенно незнакомымъ, пасхальную всенощную въ церкви Сан-Донато, гдѣ оставалась великая княгиня Марія Николаевна. Я не была расположена на это согласиться и неосторожно протестовала, что я въ траурѣ и потому нѣтъ у меня праздничнаго приличнаго туалета, но каково было мое удивленіе, когда на другой день графиня Анрепъ безъ записки съ посланнымъ прислала мнѣ цѣлый туалетъ, который, конечно, я тотчасъ ей отослала обратно. Она вслѣдъ затѣмъ пріѣхала ко мнѣ, увѣряя, что это сдѣлано Воейковой, статсъ-дамой великой княгини и по ея приказанію. Этотъ фактъ меня такъ оскорбилъ, что въ церкви, куда я отправилась и гдѣ пѣла всю обѣдню по просьбѣ нашего тамошняго священника, когда нашъ консулъ баронъ Розенъ приглашалъ меня отъ имени великой княгини придти къ ней разговляться, я отказала, вслѣдствіе головной боли. Теперь только вижу, что это было очень опрометчиво, великая княгиня ничего не знала о случившемся, молодой князь Горчаковъ и его товарищъ князь Оболенскій пріѣзжали ко мнѣ и просили не подымать этотъ щекотливый инцидентъ, такъ какъ Воейкова могла получить очень непріятный выговоръ отъ великой княгини. Черезъ нѣсколько слѣдующихъ дней я была поражена извѣстіемъ, что г-жа Воейкова умерла за обѣдомъ отъ жареной косточки, которую неосторожно проглотила. Итакъ, вся эта исторія канула въ воду. Я была тогда молода, неопытна, характера незави-

---

[1]) Умершій.

симаго и самостоятельнаго, что всегда очень мнѣ вредило въ жизни.

Въ это самое время замѣчательная труппа пѣла въ Королевскомъ театрѣ Пергола, примадонна (не помню ея фамилію) занемогла. Князь Понятовскій, почетный директоръ, прислалъ просить меня замѣнить ее и исполнить главную роль въ оперѣ „Ломбарды" сочиненія Верди съ Граціани и Дебасини,—всѣ знаменитые пѣвцы, и я рѣшилась на это съ одной оркестровой репетиціей. Что значитъ искра Божія и талантъ; теперь, когда я стара, сама удивляюсь моей смѣлости. Къ счастью побѣда была полная: извѣстная пѣвица Фрецолини мнѣ апплодировала и удивлялась, какъ я пѣла арію въ настоящемъ тонѣ, очень высокомъ (но это была неожиданная интрига противъ меня). Князь Понятовскій пришелъ меня поздравить. На другой день получила письмо отъ одной знакомой итальянки, которое хранится у меня въ альбомѣ, она слышала, какъ въ партерѣ меня хвалили. Этотъ успѣхъ и эта слава, конечно, привели меня въ восторгъ, но денегъ большихъ не доставляли.

Послѣ спектакля, нашъ знаменитый художникъ Ге пригласилъ насъ и маленькій русскій кружокъ къ себѣ ужинать, что составляло настоящій праздникъ для меня. Но все это было проходящее, минутное наслажденіе, полнаго удовлетворенія артисту трудно получить. Необходимо имѣть около себя постоянно дѣйствующее лицо, которое устраиваетъ партіи, приглашенія и т. п., а самой должно заниматься только искусствомъ и постоянно работать. У меня этой личности недоставало, а сама кромѣ того слишкомъ была поглощена семейной жизнью.

На лѣтній сезонъ получила приглашеніе въ Авчизіо, тамъ находился легіонъ венгерцевъ съ его командиромъ полковникомъ Фелдвари; молодежь и студенты собирались отправляться вмѣстѣ, подъ начальствомъ Гарибальди, чтобы освободить Венецію отъ власти австрійцевъ. Была сочинена кантата въ честь освобожденія Италіи отъ ига иностранцевъ; я должна была ее исполнить въ театрѣ въ національномъ костюмѣ со знаменемъ въ рукахъ. Надо было видѣть и слышать энтузіазмъ публики при исполненіи кантаты. Весь театръ гремѣлъ, стульями стучали и потомъ провожали меня до дома въ маленькихъ носилкахъ, такъ какъ экипажи съ упряжью тамъ не употреблялись по случаю гористаго мѣста. У Фелдвари всѣ собрались на ужинъ, рѣчи говорилъ одинъ молодой человѣкъ, другой сочинилъ акростихъ на мое имя и потомъ написалъ цѣлую тетрадь стиховъ, въ которой меня воспѣвалъ, и поднесъ мнѣ ее на память въ случаѣ, ежели будетъ убитъ въ сраженіи съ Гарибальди. Онъ просилъ дать ему прядку моихъ волосъ и трецвѣтный платокъ

на счастье, потомъ съ поля сраженія онъ мнѣ прислалъ портретъ, врученный ему самимъ Гарибальди. Это было минутное увлеченіе очень молодаго человѣка. Я его потеряла изъ виду.

И такъ, пѣла я въ Италіи въ продолженіе пяти лѣтъ, исполнила 13 оперъ, пѣла въ Миланѣ и Туринѣ, съ извѣстнымъ баритономъ Морелли, самый выдающійся успѣхъ имѣла въ „Нормѣ". Сравнивали меня съ пѣвицей Феадоръ, о которой я никогда не слыхала; но потомъ, однажды мнѣ пришлось читать жизнь нашего геніальнаго композитора Глинки, который отзывался о ней, какъ о самой лучшей пѣвицѣ.

Много у меня находится стиховъ, напечатанныхъ въ честь меня, много газетныхъ статей, пусть все это со мной и умираетъ. Оно проходящее и никого не можетъ интересовать, имя мое не достаточно прогремѣло, а рекламами я никогда не занималась.

Во время отдыха я постоянно слѣдила курсы пѣнія у Ламперти, замѣчала всѣ хорошія стороны школы и всѣ недостатки; моя мечта была возвратиться въ Россію, пѣть и учредить свою школу, чтобы мы, русскіе, не попадали къ шарлатанамъ, которые бы пользовались нашимъ незнаніемъ и нашимъ довѣріемъ, опустошая карманы, истребляя свѣжесть голоса, не принося существенной пользы. Мнѣ приходилось слышать голоса разныхъ національностей, и я нашла, что по звуку и тембру самые красивые голоса—итальянскіе и малороссійскіе съ рѣдкими исключеніями. Въ это самое время, то есть въ 70-хъ годахъ, итальянская опера процвѣтала въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ состоялъ директоромъ мой дядя Леонидъ Ѳедоровичъ Львовъ. Мнѣ писали изъ Москвы, что, слушая пѣвицу Фричи въ „Нормѣ", въ сосѣднихъ ложахъ говорили: „мы здѣсь восхищаемся иностранкой, а наша русская пѣвица Динаръ въ восторгъ приводитъ итальянцевъ въ самой оперѣ". Графъ Адельбергъ хотѣлъ меня пригласить за хорошее вознагражденіе въ Петербургскую оперу, о чемъ братъ моего мужа увѣдомилъ насъ, но мой дядя воспротивился, не желая видѣть свою племянницу на сценѣ. Это былъ мнѣ первый ударъ изъ моего отечества, и я тогда поѣхала въ Ниццу, гдѣ имѣла огромный успѣхъ. Въ Италіи мало зарабатываютъ, такихъ гонораровъ не даютъ, какъ въ Россіи. Деньги мнѣ были нужны, я дала концертъ въ казино. Зало было переполнено изысканнымъ обществомъ. Меня тамъ полюбили, я каждый день получала приглашенія на вечера, гдѣ желали меня слышать герцогиня Карола, г-жа Кешко, графъ Кантакузинъ, Бутовская, нашъ консулъ, — даже не запомнить всѣ имена—просили меня пѣть и назначали въ честь меня музыкальные вечера. Изъ Ниццы я была приглашена въ Висбаденъ и Гамбургъ, гдѣ пѣла съ большимъ успѣхомъ на слѣдующій день

послѣ Патти. Потомъ мы отправились въ Лондонъ, куда наша извѣстная г-жа Смирнова дала мнѣ рекомендательныя письма, и многіе другіе очень были ко мнѣ любезны, принимали радушно, доставляли приглашенія и уроки. Сейчасъ я должна была пѣть въ большомъ концертѣ, и въ началѣ моего прибыванія въ Лондонѣ меня очень огорчила не безызвѣстная русская немолодая барышня С. Д. Св.; она просила дать ей газеты, въ которыхъ были похвальныя статьи обо мнѣ и гдѣ меня называли Сѣверной звѣздой, чтобы прочесть своимъ знакомымъ, и—каковъ былъ сюрпризъ!—она всѣ ихъ потеряла и написала мнѣ слѣдующее извинительное письмо:

„Лондонъ Ihe. Mall Hammersmith.

Не знаю, какъ начать свою записку, до того сама я разстроена тѣмъ, что случилось. Моя дѣвушка, которой я поручила отнести вамъ ваши газеты, ихъ потеряла, т. е. оставила въ омнибусѣ и хотя тотчасъ спохватилась и ходила въ контору этой компаніи, бумаги не нашлись. Остается одна надежда: сдѣлать объявленіе въ газетахъ, что и будетъ сдѣлано мной нынче. Извиняться или просить прощенье не имѣю духа, а главное смущаетъ меня то, что я не могу придумать, какъ поправить это дѣло. Вчера я даже до того была разстроена этимъ, что не способна была писать, но такъ какъ не смѣю надѣяться, что они найдутся по объявленію, то рѣшилась написать прямо и возвать къ вашему великодушію.

Зайду къ вамъ сама въ субботу, какъ ни совѣстно будетъ мнѣ васъ видѣть. Преданная вамъ Е. Свербеева. Среда утромъ“.

Какъ мнѣ ни было грустно, но дѣлать было нечего въ совершенно чужомъ для меня городѣ. Нашъ тамошній священникъ просилъ меня простить ей и не возбуждать этотъ вопросъ, чтобы не разстроить эту г-жу, которая жила въ Лондонѣ для возстановленія своихъ разстроенныхъ нервовъ.

Зиму провели мы въ Парижѣ, я также тамъ участвовала во многихъ концертахъ въ залахъ Ераръ и Плеелъ, въ церквахъ, въ обществѣ слушалъ меня князь Понятовскій и знаменитый Оберъ, обѣщали мнѣ приглашеніе на слѣдующій годъ въ большой театръ. Съ этой радужной надеждой отправилась на второй сезонъ и на хорошія условія въ Лондонъ.

Въ Парижѣ я была очень дружна съ Татьяной Сергѣевной д' Альгеймъ, которая меня познакомила съ журналистами и съ разными школами, куда меня желали пригласить, для преподаванія пѣнія: но я это оставила для будущаго времени. Въ Лондонѣ я пѣла во многихъ концертахъ, нѣсколько разъ въ Хрустальномъ дворцѣ, гдѣ, между прочимъ, исполнила „Соловья“ скомпанируя сама, играя первую

часть, аранжировка Листа, чѣмъ Конскій и многіе другіе музыканты были поражены. Наконецъ, мое имя стало такъ извѣстно, что я рѣшилась дать свой собственный концертъ. Лэди Дункеръ, лондонская аристократка, предложила мнѣ залу въ своемъ домѣ. Концертъ вполнѣ удался, высшее общество и многіе посланники присутствовали. „Morning Post“ и другія газеты описали мой концертъ и отнеслись съ большой похвалой къ программѣ и къ исполненію.

По окончаніи сезона я думала возвратиться въ Парижъ, гдѣ заручилась приглашеніемъ пѣть въ большомъ театрѣ, но злосчастная война 70 года рушила всѣ мои планы. Мой другъ г-жа д'Альгеймъ, рожденная Пушкина-Бобрищева, осталась въ Парижѣ во время осады, а сама прислала намъ своихъ дѣтей: дочку 14 лѣтъ, Маделенъ, и сына 8 лѣтъ, съ теткою Полторацкой 75 лѣтъ. Я продолжала работать и давать уроки пѣнія, вмѣстѣ съ этимъ занималась этими дѣтьми; мой мужъ училъ ихъ разнымъ предметамъ, а я давала уроки музыки мальчику Піеру, который былъ очень способный. Это продолжалось въ теченіе семи мѣсяцевъ. Мальчикъ, который даже нотъ не зналъ, выучилъ со мной этюды Крамера, маленькія пьесы Шумана въ четыре руки, варіаціи Моцарта на тему и марсельезу, которую игралъ съ большимъ воодушевленіемъ. Я была въ перепискѣ съ матерью и посылала извѣстія чрезъ Ротшильда голубинымъ способомъ. У меня хранится одно трогательное письмо матери, которая выражала глубокую благодарность за дѣтей.

Татьяна Сергѣевна, когда могла оставить Парижъ, пріѣхала въ Лондонъ съ г-номъ Мюратомъ, за котораго потомъ вышла замужъ. Онъ поссорился съ моимъ мужемъ изъ-за политическихъ идей, увѣряя, что нѣмцы не смѣли войти въ Парижъ съ тріумфомъ, что они потерпѣли полное фіаско; мой мужъ съ этимъ согласиться не могъ, и мы разстались со всѣмъ семействомъ. Это грустное обстоятельство, переутомленіе и разныя неудачи по карьерѣ сильно потрясли мои нервы, я заболѣла, лежала безъ движенія въ теченіе трехъ недѣль, вслѣдствіе чего мы рѣшились возвратиться въ Россію.

Лондонскія лэди были очень недовольны и находили неблагоразумнымъ оставлять Лондонъ, гдѣ были такъ хорошо ко мнѣ расположены, но многія неудачи, моя болѣзнь и скитальческая жизнь насъ утомили. Мы не могли и не умѣли отнестись къ искусству, какъ къ ремеслу: слишкомъ все идеализировали и потому денегъ большихъ не пріобрѣли. Съ моимъ экзальтированнымъ и непрактичнымъ характеромъ трудно было пріобрѣсть независимое состояніе. Мой мужъ изучалъ иностранные языки, писалъ въ газетахъ, давалъ уроки русскаго языка, но изъ всего этого отложить въ сторону на черный день ничего не могли, мы и рѣшились возвратиться восвояси, тѣмъ

болѣе, что здоровье моего мужа видимо улучшилось, и въ эти годы грудная болѣзнь не была такъ опасна. Но ѣхать вмѣстѣ мы не могли: на то средствъ не хватало, и потому мой мужъ отправился одинъ, а я продолжала концертировать и къ концу сезона заработала достаточно, чтобъ предпринять путешествіе. Піанистъ Конскій далъ мнѣ нѣсколько очень лестныхъ рекомендательныхъ писемъ въ Берлинъ къ извѣстнымъ агентамъ и музыкальнымъ обществамъ, личностямъ, которыя могли быть мнѣ очень полезными для моей артистической карьеры, но я не имѣла духа ими воспользоваться, а предпочла ѣхать безъ остановки въ Петербургъ. Меня влекло какъ можно скорѣе свидѣться съ моимъ мужемъ, такъ что письма остались до сего времени у меня безъ всякой пользы. Мой мужъ сейчасъ сталъ сотрудничать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", которыя издавались подъ редакціей Ев. Ф. Корша, а я отправилась къ директору театра и заявила желаніе пѣть въ оперѣ, тѣмъ болѣе, что меня давно хотѣли пригласить, вслѣдствіе моихъ успѣховъ за границей. Но меня глубоко оскорбило, когда потребовали даровой дебютъ, а графиня Адлербергъ, у которой я пѣла на вечерѣ, сказала мнѣ, что театральный бюджетъ такъ малъ, что средства не позволяютъ платить мнѣ по моему достоинству. Это, конечно, была одна отговорка для русской артистки того времени. Желала я попасть профессоромъ въ консерваторію, но Азанчевскій, временный директоръ, нашелъ также препятствіе. Наконецъ, пригласили меня пѣть въ концертѣ пѣвческой дворцовой капеллы, исполнила я тамъ арію „Орфея" Глюка; зала была переполнена, и меня приняли очень горячо. Князь Волконскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія и покровитель искусства, подошелъ ко мнѣ и предложилъ свои услуги по всѣмъ моимъ желаніямъ и стремленіямъ. Великая княгиня Елена Павловна была тогда опасно больна, и потому я не могла къ ней представиться и воспользоваться ея покровительствомъ. Служба моего мужа въ Сенатѣ не была забыта и онъ былъ записанъ, какъ первый кандидатъ въ члены суда. Но къ несчастію, все это кануло въ воду, судьба иначе все опредѣлила. Родственники моего мужа приглашали его пріѣхать въ Москву, редакторъ-издатель „Русскихъ Вѣдомостей" Николай Семеновичъ Скворцовъ нуждался въ хорошемъ сотрудникѣ, написалъ очень лестное пригласительное письмо моему мужу, предлагая вѣское вознагражденіе. Наше финансовое положеніе было такъ скудно, что мой мужъ не находилъ себя въ правѣ отказаться и ждать обѣщанное назначеніе; мнѣ же лично глубоко грустно было оставить Петербургъ, гдѣ меня гораздо больше знали, помнили и цѣнили и гдѣ со временемъ могла бы все превозмочь и достичь желаемаго. Но обстоятельства заставили все забыть и ѣхать на то, что предлагали. Мнѣ только улыбалась

надежда, что исполнится обѣщаніе, данное Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ, назначить меня профессоромъ въ московскую консерваторію.

Какъ только узнали мой пріѣздъ въ Москву, явились ко мнѣ знаменитый артистъ Ноденъ съ антрепернеромъ Ферри, чтобъ пригласить пѣть Норму. Но дирекція не допустила исполнять заглавную роль русской пѣвицѣ въ итальянской труппѣ. Итакъ я получала ударъ за ударомъ. Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ назначилъ у себя музыкальный вечеръ и пригласилъ меня пѣть въ присутствіи артистовъ и профессоровъ консерваторіи. Я исполнила подъ аккомпаниментъ Н. Г. нѣсколько классическихъ сочиненій Шумана и Бетховена. Вѣроятно, успѣхъ былъ удовлетворительный; на слѣдующій день появилась музыкальная статья Петра Ильича Чайковскаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ сказано: „Всѣ присутствующіе были поражены, что между нами находилась такая замѣчательная пѣвица". Меня сейчасъ пригласили участвовать въ симфоническомъ концертѣ Русскаго музыкальнаго общества, послѣ котораго также была очень лестная статья Чайковскаго. Наконецъ, я пожелала дать свой концертъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Съ большимъ трудомъ добилась разрѣшенія послѣ трехъмѣсячнаго исканія. Изъ опасенія же, чтобы меня не назначили профессоромъ пѣнія въ консерваторіи, одна изъ тогдашнихъ преподавательницъ, оперная артистка А. К., со своимъ братомъ, напечатали домашнимъ образомъ пасквиль на мой счетъ и разослали всѣмъ профессорамъ, начальству, директорамъ и даже великому князю Константину Николаевичу. Н. Г. Рубинштейнъ былъ этимъ пораженъ и сказалъ мнѣ, что современемъ мое желаніе осуществится, но что сейчасъ не можетъ меня назначить профессоромъ, что меня заѣдятъ въ консерваторіи, это были его собственныя выраженія. Онъ передалъ эти слова своей ученицѣ Темирязевой. Вообще, тамъ много интригъ приходилось испытывать. Однажды влетѣлъ ко мнѣ знаменитый скрипачъ Лаубе, взялся за голову и вскрикнулъ: „Сколько страданій нужно вынести артисту отъ всѣхъ консерваторскихъ интригъ". Недоброжелатели меня постоянно преслѣдовали, кто, почему и отъ чего—я никогда не могла понять.

Послѣ семилѣтняго отсутствія по возвращеніи въ Россію, все привлекало мое вниманіе, концерты, публичныя лекціи, печать, церковныя проповѣди, всюду искала удовлетворенія потребности знанія. Съ жадностью читала самыя разнообразныя сочиненія. Музыкой и пѣніемъ постоянно занималась, изучала всѣ новыя сочиненія, желала устраивать концерты, но препятствія встрѣчались часто, и потому многое вынуждало замкнуться въ рамкѣ личной жизни; и нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ я могла бы достичь

желательнаго, и мой талантъ принесъ бы лучшіе результаты. Въ матеріальномъ отношеніи мы никогда не были обезпечены, и потому я не могла располагать занятія сообразно со своими индивидуальными стремленіями. Пока мой мужъ былъ сотрудникомъ и вторымъ редакторомъ „Русскихъ Вѣдомостей", мы имѣли довольно средствъ, чтобы жить не нуждаясь, но потомъ, какъ увидятъ дальше, все перемѣнилось и мы оба должны были неустанно работать.

Устроила я у себя курсы пѣнія, ѣздила въ Петербургъ для утвержденія программы министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько лѣтъ они процвѣтали, многимъ бѣднымъ дѣвушкамъ давала уроки безвозмездно и радовалась ихъ успѣхамъ. До сего времени нѣкоторыя зарабатываютъ хорошія деньги на провинціальныхъ сценахъ. До сорока дѣвушекъ вышли замужъ и перестали заниматься пѣніемъ. Вообще, работать и правильно учиться очень рѣдко кому хватало терпѣливой и устойчивой послѣдовательности: и поэтому большею частью всѣ мои труды пропадали безвозвратно.

Былъ чудный голосъ у Цвѣтковой—глубокій, широкій, звучный меццо-сопрано, она пробовала заниматься въ петербургской консерваторіи, но по слабому здоровью бросила и переѣхала въ Москву. Тутъ извѣстный преподаватель и композиторъ Дюбюкъ, который былъ инспекторомъ музыки Александро-Маріинскаго института, и однажды присутствовалъ на моихъ урокахъ, посовѣтовалъ ей обратиться ко мнѣ за совѣтомъ на счетъ пѣнія; ея замѣчательный голосъ меня прельстилъ, я съ удовольствіемъ стала ею заниматься, прошли мы съ нею партію Фидесъ въ „Пророкѣ" Меербера, Вани въ „Жизни за Царя"; устроила ей концертъ,—она была бѣдная дѣвушка и нуждалась въ деньгахъ,—пригласила я къ себѣ нѣсколькихъ артистовъ и тогдашняго директора оркестра Эмануила, чтобъ ей аккомпанировать. Присутствовалъ также извѣстный скрипачъ Безекирскій, которому она понравилась, и онъ ее тотчасъ пригласилъ пѣть въ большой залѣ дворянскаго собранія, гдѣ онъ устраивалъ концерты. Наконецъ, я дала ее послушать на оперной сценѣ большаго театра, голосъ очень понравился, и уже былъ поднятъ вопросъ о приглашеніи на зиму, но ужасное и поразительное несчастіе 81 года закрыло театры на неопредѣленное время, и она отправилась со многими артистами пѣть въ частный провинціальный театръ, гдѣ пользовалась большимъ успѣхомъ, писала мнѣ восторженныя письма, получая порядочный гонораръ, потомъ вышла замужъ за богатаго человѣка Миропольскаго, не нуждаясь во мнѣ, никогда больше не являлась, я потеряла ее изъ виду; и такъ случалось со многими моими даровитыми ученицами.

Марья Александровна Нейдгардъ, попечительница Маріинскаго училища, которая знала наше семейство, когда мой отецъ былъ се-

наторомъ въ Москвѣ, пригласила меня быть преподавательницей свѣтскаго пѣнія въ ея институтѣ. Тамъ была прелестная, недавно назначенная начальница, Варвара Быкова; она своею кротостью и замѣчательно тонкимъ воспитаніемъ облегчала мое трудное положеніе въ началѣ моихъ занятій. Инспекторомъ музыки былъ Веберъ—человѣкъ мало образованный, очень грубый и неделикатный въ сношеніяхъ съ сотрудниками. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятій, я просила Марью Александровну пригласить Николая Григорьевича Рубинштейна быть инспекторомъ и руководителемъ музыки вмѣсто Вебера, иначе я не могла оставаться при институтѣ. Къ моему большому удовольствію мое желаніе было исполнено, и главнымъ преподавателемъ музыки Н. Г. Рубинштейнъ назначилъ профессора консерваторіи Н. Кашкина. Все пошло правильно и было неузнаваемо. Труда было много: въ началѣ никто не имѣлъ понятія о чтеніи нотъ, о дѣленіи, о ритмѣ; всего я достигла, но отъ переутомленія была нѣсколько разъ опасно больна. Пріучила дѣвочекъ къ хорошей классической музыкѣ; не умѣя спѣть правильно хоромъ даже національный гимнъ, онѣ у меня стали исполнять хоры Баха, Шумана, Чайковскаго, Даргомыжскаго, Глинки, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Мендельсона, Керубини и т. д. Николай Григорьевичъ присутствовалъ при исполненіи и остался доволенъ исполненіемъ и школой. Голоса были свѣжіе, сильные, красивые, я сама много имъ пѣла и особенно занималась правильной постановкой голоса. Младшая дочь начальницы Евдокія Михайловна Быкова съ хорошимъ и вѣрнымъ голосомъ много мнѣ помогала; первое десятилѣтіе все шло мирно и очень удовлетворительно. Во время акта переполнены были залы публикой, которая пріѣзжала слушать моихъ ученицъ, похваламъ не было конца. Поднесли мнѣ прелестные букеты съ лентами и съ надписью.

Варвара Евграфовна Чертова, попечительница Александро-Маріинскаго училища, также меня пригласила заниматься въ ея учрежденіи. Сначала былъ инспекторомъ Дюбюкъ, потомъ Шестаковскій, которому мое преподаваніе очень понравилось, онъ даже желалъ пригласить меня въ филармоническое общество. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, ему необходимо было дать мѣсто преподавателя свѣтскаго пѣнія одному изъ своихъ сотрудниковъ филармоническаго общества, и потому были вооружены противъ меня, и такъ много было незаслуженныхъ интригъ и непріятностей, что послѣ 17-лѣтняго труда я не желала больше продолжать и оставаться при дѣлѣ въ институтѣ.

Меня также пригласила княгиня Долгорукая, начальница Александровскаго института.

Марья Александровна Нейдгардъ устроила музыкально-литературное утро въ пользу недостаточныхъ ученицъ Маріинскаго училища

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ принималъ участіе; онъ читалъ изъ „Записокъ Охотника“. Разныя дамы играли и пѣли, но самый большой успѣхъ палъ на дуэтъ изъ „Нормы“, исполненный моими ученицами, племянницей моей Скобельцыной и дочерью начальницы Маріинскаго училища барышней Быковой. Онѣ такъ хорошо его исполнили, что Иванъ Сергѣевичъ меня поздравилъ съ хорошей школой и на слѣдующій день обрадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ; а княгиня Долгорукая упросила меня согласиться давать уроки пѣнія солисткамъ и хору въ ея институтѣ, обѣщая мнѣ во всемъ помогать. Въ теченіе десяти лѣтъ были всѣ въ восторгѣ и очень ко мнѣ внимательны. Но вдругъ черная кошка пробѣжала, и все перемѣнилось, невозможныя требованія явились, и я была такъ взволнована несправедливостью, что, не дождавшись срока пенсіи, оставила институтъ.

То же самое случилось и съ Маріинскимъ институтомъ послѣ 23 лѣтъ службы.

Такое было вѣяніе.

Время все охлаждаетъ, направленіе мѣняется, новыя силы растутъ. Независимый характеръ не выносится, и вслѣдствіе интригъ и непріятностей я освободила мѣста для тѣхъ, которыя правдой и неправдой желали и искали ихъ получить.

Мы переселились въ Москву въ 1873 году,—это относительно было удачное и счастливое время. Мой мужъ съ любовью сотрудничалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ передовыми статьями и разными корреспонденціями улучшилъ газету, и съ 7 тысячъ подписчиковъ возросло до 23-хъ. Я же давала уроки пѣнія, чтобы также помочь на воспитаніе бѣдныхъ родственницъ; только напрасно я ждала назначенія профессоромъ въ консерваторію. Въ одно прекрасное утро пріѣхалъ ко мнѣ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ и сказалъ, что общество профессоровъ отвергло его предложеніе и выбрало какого-то Миллера неизвѣстнаго. Я со слезами должна была покориться моей участи.

Въ 77 году разразилась Турецкая война. Московское общество выбрало меня предсѣдательницей одного отдѣленія Краснаго Креста, я и бросилась въ эту дѣятельность, ходила за ранеными, устроила два сборные поѣзда, перевозила раненыхъ солдатъ въ Москву, все, что зарабатывала уроками, отдавала въ комитетъ о раненыхъ. Сама ѣздила въ Ясли за ранеными. Старалась, чтобы имъ было какъ можно лучше и сноснѣе; посѣщала всѣ больницы, занималась солдатскими корреспонденціями; ѣздила ко всѣмъ знакомымъ для собиранія пожертвованій, посылала циркуляры по всей Россіи, и мнѣ присылали все, что было необходимо для раненыхъ. Читала постоянно всѣ газеты и новости сообщала солдатамъ. Одни меня называли сестрицей,

другіе—полковымъ командиромъ. Къ счастью, меня всѣ любили, съ чѣмъ могла, приходила къ нимъ на помощь и пользовалась всѣми связями, чтобы улучшить ихъ положеніе. Дала концертъ для увеличенія капитала; онъ мнѣ очень удался по милости Марьи Николаевны Ермоловой, которая согласилась принять участіе. Однимъ словомъ, я была счастлива, что могла чѣмъ-либо быть полезной. Черезъ годъ все перемѣнилось, былъ заключенъ грустный миръ, не принесшій ни блага, ни пользы, кромѣ громадныхъ жертвъ.

Я встрѣтила нашего великаго царя-освободителя на раутѣ у князя Долгорукаго, и была глубоко огорчена и подавлена его грустнымъ и угнетеннымъ видомъ.

Вскорѣ и на нашу личную жизнь обрушилась большая непріятность, которая заставила моего мужа отказаться отъ сотрудничества въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Объ этомъ тяжеломъ времени, ежели будутъ силы, опишу дальше.

Теперь, анализируя все прошедшее, видимъ яснѣе всѣ свои ошибки, недоразумѣнія и приходимъ къ тому заключенію, что невозможно быть одновременно артисткой и семьянинкой. Какъ женщина, страстно любящая, рвалась въ одну сторону, а какъ артистка—въ другую, никто не зналъ той внутренней драмы, которая развивалась и все росла въ душѣ. Я избѣгала говорить. Во мнѣ постоянно боролись два чувства. Да и не могло быть иначе. Обстоятельства моей жизни такъ сложились, что я постоянно была въ страхѣ за здоровье моего мужа, и на все соглашалась, чтобы только его не раздражать.

Теперь, когда все кончено и когда осталось мнѣ одно воспоминаніе о томъ счастіи, которое было мнѣ дано любовью, преданностью, лаской того незабвеннаго друга, котораго я безвозвратно лишилась, хочу писать много о немъ и связать вмѣстѣ нашу жизнь и нашу борьбу.

Пусть эти воспоминанія, замѣтки и мысли останутся на память моимъ племянницамъ. Оно написано безъ таланта, но все-таки покажетъ, сколько надо было силы воли, энергіи, любви, чтобы побѣждать всѣ непріятности, униженія, несчастія для достиженія своей цѣли.

Мы оба чрезъ многое прошли и все вынесли силою любви. Теперь, когда его не стало, я глубже поняла, какъ все ничто въ сравненіи съ этимъ ужаснымъ горемъ.

Зло и добро, радость и горе, счастіе и несчастіе переплетались между собою. Терпѣли мы много, да не пропали же, потому что прежде всего любили другъ друга и съ прямаго пути не сбились. Хотя грустно и тяжело, когда воротишься памятью къ тому, что отъ жизни ожидали.

Невѣдомская-Динаръ.